

«Предпочитаю во много раз убийство Муссолини казни Лаваля» Из переписки В.А. Маклакова и М.А. Алданова

*Вступительная статья, публикация и примечания
Олега Будницкого*

Начало Второй мировой войны в литературе принято считать концом «первой волны» русской эмиграции. Действительно, одни эмигранты, и из старых, и из молодых, были убиты нацистами – как евреи или как участники движения Сопротивления, другие пошли сражаться вместе с нацистами и погибли в боях с партизанами или войсками союзников, третьи оказались захвачены советскими спецслужбами, вывезены в СССР и казнены или сгинули в лагерях. Наконец, немалое их число ушло из жизни в годы войны по естественным причинам. Однако многие эмигранты «первой волны» по-прежнему играли заметную роль в политике, литературе и общественной жизни, а, к примеру, у В.В. Набокова настоящий успех и слава были ещё впереди. В послевоенный период происходит неожиданное политическое возрождение А.Ф. Керенского (разумеется, в эмигрантских масштабах)¹.

Василий Алексеевич Маклаков (1869–1957) и Марк Александрович Алданов (1886–1957) были среди тех эмигрантов, кто отнюдь не собирался сходить с политической и общественной сцены. Применение терминов «политическая» и «общественная» по отношению к деятельности Маклакова, члена Государственной думы трёх созывов, видного деятеля партии кадетов, посла Временного правительства в Париже, а затем, уже в эмигрантский период – главы Офиса по делам русских беженцев и председателя Эмигрантского комитета, понятно². Алданов же известен преимущественно как один из самых популярных писателей «первой волны». Между тем Алданов, член партии народных

© 2013 г. О.В. Будницкий

Публикация подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 11-01-00277а.

¹ См. об этом *Будницкий О.В.* После Сталина: Из эмигрантской переписки 1953 года // *Родина*. 2012. № 7. С. 17.

² Подробнее о Маклакове см. *Адамович Г.В.* Василий Алексеевич Маклаков. Политик, юрист, человек. Париж, 1959; *Карпович М.* Два типа русского либерализма: Маклаков и Милюков // *Новый журнал*. Нью-Йорк, 1960. Кн. 60; *Будницкий О.В.* Нетипичный Маклаков // *Отечественная история*. 1999. № 2. С. 12–26; № 3. С. 64–80; *он же*. Маклаков и Милюков: два взгляда на русский либерализм // *Либерализм в России: исторические судьбы и перспективы*. М., 1999. С. 416–428; *он же*. В.А. Маклаков и «еврейский вопрос» // *Вестник Еврейского университета. История. Культура. Цивилизация*. 1999. № 1(19). С. 42–94; *он же*. Милюков и Маклаков: к истории взаимоотношений. 1917–1939 // *П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат*. М., 2000. С. 358–383; *он же*. Послы несуществующей страны // «Совершенно лично и доверительно!» Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков: Переписка 1919–1951. Т. 1. М.; Стэнфорд, 2001. С. 16–114; *он же*. Попытка примирения // *Дiaspora: Новые материалы*. Вып. 1. Париж; СПб., 2001. С. 179–240; *он же*. В.А. Маклаков и В.В. Шульгин: друзья-противники // *Спор о России: В.А. Маклаков – В.В. Шульгин. Переписка 1919–1939 гг.* М., 2012. С. 5–42; *Дедков Н.И.* Консервативный либерализм Василия Маклакова. М., 2005; и др.

социалистов, сохранял верность «партийному знамени» (хотя за границей «энесов» можно было без труда пересчитать по пальцам сначала двух, а потом и одной руки) и весьма интересовался эмигрантской политикой. Не принимая активного участия в деятельности различных организаций Русского зарубежья, благодаря личным связям он был человеком весьма осведомлённым и вёл обширную переписку, являющуюся важным источником по истории не только литературной, но и политической жизни эмиграции³.

Маклаков и Алданов познакомились в эмиграции и довольно близко сошлись, несмотря на разницу в возрасте. Впрочем, в отличие от Маклакова, который был одним из самых ярких политических деятелей «думского периода», особенного дореволюционного «прошлого» у Алданова, состоявшегося как писатель в эмиграции, не было. Они сблизились в значительной степени по масонской линии. В довоенном Париже Василий Алексеевич и Марк Александрович встречались по четвергам за завтраком у Софьи Григорьевны Пети (урождённой Балаховской), жены французского дипломата и политического деятеля, известного русофила Эжена Пети. Среди постоянных участников завтраков были также А.Ф. Керенский, В.М. Зензинов, А.И. Гучков, М.В. Бернацкий, И.И. Бунаков-Фондаминский, И.П. Демидов, при наездах в Париж – И.А. Бунин, П.Б. Струве, В.В. Набоков.

Период нацистской оккупации Франции Алданов провёл в США, куда прибыл в статусе беженца в самом начале 1941 г. Маклаков остался в Париже. Он не считал возможным покинуть свой пост председателя Эмигрантского комитета, оставив эмигрантов «на произвол судьбы». Однако старый либерал (да к тому же масон) не устраивал нацистов в качестве представителя русской колонии. 28 апреля 1942 г. Маклаков был арестован. Оккупационные власти и их прислужники хотели продемонстрировать, «кто есть кто» и подчеркнуть, что эмигрантская иерархия изменилась окончательно. В начале июля 1942 г. нацисты освободили его, взяв подписку, что он прекратит выполнять функции главы Эмигрантского комитета и не будет заниматься какой-либо политической деятельностью⁴. Ему пришлось уехать на несколько месяцев из Парижа в деревню к барону Б.Э. Нольде; здесь он написал обдуманную в тюрьме книгу о II Думе⁵.

Маклаков занимал последовательно антинацистскую позицию. После освобождения из тюрьмы он и его единомышленники (А.С. Альперин, М.М. Тер-Погосян, А.А. Титов и др.) связались с силами Сопротивления и оказывали его участникам определённое содействие. Но главным делом Маклакова и его группы, несомненно, была пропаганда в эмигрантской среде. По свидетельству П.А. Берлина, «они делали всё, что от них зависит, чтобы противодействовать прогитлеровским настроениям в русской эмиграции и оказывать поддержку жертвам немецких преследований»⁶. При этом Маклаков считал необходимым поддерживать Советский Союз в его борьбе с нацистской Германией. Он также требовал от эмигрантов соблюдения лояльности Франции (но не вишистскому правительству), которая на протяжении двух десятилетий давала им приют. По словам Г.В. Адамовича,

³ Об Алданове-политике см.: Будницкий О. Из переписки М.А. Алданова, В.А. Маклакова и их друзей // *Ab Imperio*. 2011. № 3. С. 246–248, 251–253.

⁴ Седых А. Загадка В.А. Маклакова // *Новое русское слово*. 1945. 18 марта; Из письма посла СССР во Франции А.Е. Богомолова заместителю народного комиссара иностранных дел СССР В.Г. Деканозову, 4 апреля 1945 // Чему свидетели мы были...: Переписка бывших царских дипломатов 1934–1940: Сборник документов в двух книгах. Кн. 2. М., 1998. С. 582.

⁵ Hoover Institution Archives (далее – HIA), Vasily Maklakov Collection (далее – Maklakov), Box 2, Folder 13 (далее первая цифра обозначает номер коробки, вторая – папки).

⁶ HIA, Mark Vishnyak Collection, Box I-D.

это требование он выражал «категорически, и резко разрывал с людьми, которые были по его мнению в этом смысле не на высоте, — особенно если это были люди известные, просвещённые, а не сбитые с толку эмигранты. В те времена такие разрывы, — публичные, у всех на виду, доходившие до отказа подать руку, — бывали далеко не безопасны, но Маклакова это не останавливало⁷». Деятельность группы не осталась незамеченной. Один из её членов, И.А. Кривошеин, сын бывшего царского министра А.В. Кривошеина, был арестован, а Маклакова включили в список лиц, подлежащих увозу в Германию в случае приближения англо-американских войск. Однако наступление союзников было столь стремительным, что до престарелого либерала руки у нацистов не дошли⁸.

Здесь не место анализировать отношение эмигрантов к советской власти и попытки примирения с ней в период Второй мировой войны и в особенности на её завершающем этапе⁹. Замечу, что в значительной степени на этой почве (но не только на этой!) завязалась интенсивная переписка между «примиренцем» Маклаковым и непримиримым по отношению к СССР Алдановым. Впрочем, расхождения по данному — основному для политических эмигрантов вопросу — были довольно быстро преодолены.

По счастью для историков, Алданов, вернувшись во Францию в 1947 г., поселился в Ницце, а не в Париже. Поэтому его переписка с Маклаковым, носившая в 1930-е гг. эпизодический характер (поскольку они тогда жили в одном городе и встречались еженедельно, не считая периодов летних каникул), в 1940–1950-е гг. стала регулярной и весьма интенсивной. Для Маклакова Алданов являлся, пожалуй, наиболее близким — интеллектуально и политически — другом и собеседником. Марк Александрович относился к Василию Алексеевичу с почтением, даже с восхищением, что не мешало ему критиковать некоторые его мнения. Пожалуй, можно сказать, что после смерти Бунина, самого близкого друга Алданова, Маклаков до некоторой степени занял его место. Их переписку отличала не только интенсивность и высокий интеллектуальный и литературный уровень: она необыкновенно откровенна, идёт ли речь о современниках, политике или, скажем, болезнях, начавших одолевать этих уже немолодых людей.

Только в переписке с Алдановым Маклаков мог позволить себе весьма необычные для того времени и людей его круга рассуждения о несправедливости и юридической несостоятельности судов над коллаборационистами. Собственно, сам термин «коллаборационизм» (от безобидного французского слова «сотрудничество») вошёл в обиход с нелёгкой руки маршала Петена. Теперь Франция, значительная часть населения которой, включая героев Первой мировой войны и некоторых интеллектуалов, активно сотрудничала с нацистами, как будто стремилась компенсировать недавнее грехопадение жестокостью расправы с пособниками оккупантов. «Законника» Маклакова возмутило то, что он считал попранием правовых и моральных норм. При этом его личный опыт общения с французскими коллаборационистами был более чем негативным: среди охранников тюрьмы, в которой он сидел в 1942 г., не было немцев, были только сторонники режима Виши.

Начало полемике положило замечание Маклакова в одном из писем к Алданову осенью 1948 г. о том, что он бы написал статью, разоблачающую лицемерие

⁷ Адамович Г.В. Указ. соч. С. 222.

⁸ НИА, Maklakov, 2-12.

⁹ Будницкий О. Попытка примирения; он же. Из переписки М.А. Алданова, В.А. Маклакова и их друзей. С. 243–311.

рие процессов над коллаборационистами, точнее, лицемерие людей, многие из которых не были образцами добродетели в период оккупации, а теперь выступали в роли обвинителей (см. документ 1). Это замечание породило довольно бурный обмен мнениями, в котором друзья и единомышленники не без труда пришли к взаимопониманию.

Настоящая публикация включает ту часть переписки Маклакова и Алданова, в которой затрагивается проблема коллаборационизма и возмездия за сотрудничество с нацистами. При этом опущены фрагменты писем, не относящиеся к данному сюжету. В них речь идёт о возможности участия Алданова в сборнике статей консервативного направления, который намеревался выпустить в Париже И.И. Тхоржевский (Алданов отказался) и в связи с этим – о сущности консерватизма; обсуждается работа Алданова о политической философии Р. Декарта; о возможности проведения «левой политики правыми руками». Впрочем, спор о коллаборационизме вскоре настолько увлёк корреспондентов, что вытеснил все остальные сюжеты. Письма будут полностью воспроизведены в готовящемся к печати томе переписки Маклакова и Алданова 1929–1956 гг.

Переписка Маклакова и Алданова занимает целую коробку в фонде Маклакова, хранящемся в архиве Гуверовского института при Стэнфордском университете. Находящиеся в нём письма Алданова – в подавляющем большинстве машинописные подлинники, письма Маклакова – машинописные копии. Часть машинописных подлинников писем Маклакова с авторской правкой и добавлениями от руки, а также его автографы хранятся в фонде Алданова в Бахметевском архиве Колумбийского университета. В основу данной публикации положены тексты, хранящиеся в Гуверовском архиве. Все они находятся в 14-й папке второй коробки фонда Маклакова (НИА, Maklakov, 2–14). При публикации писем это специально не оговаривается. Часть писем Маклакова публикуется по машинописным подлинникам, находящимся в Бахметевском архиве, что обозначено в легенде к публикуемым текстам. Купюры обозначены угловыми скобками. В квадратные скобки взяты части слов, пропущенные корреспондентами, и слова, восстановленные предположительно, а также даты, установленные по содержанию писем. Фрагменты текста, отдельные фразы, а также слова, вписанные в машинопись от руки, выделены курсивом. С целью сохранить особенности стиля и «аромат эпохи» в публикации сохранены некоторые архаизмы и специфическое написание имён собственных (Петэн, Веган и др.). Все примечания принадлежат публикатору.

* * *

1

В.А. Маклаков – М.А. Алданову

19 октября [1948]

<...> А пропо¹⁰, или вовсе не а пропо. Я бы сейчас очень охотно написал статью о процессах против коллаборантов; у меня к ним ни малейшей симпатии не было. Но когда я смотрел, как их судили, что говорил им «обвинитель», сколько здесь «недобросовестных мыслей» и лицемерия, у меня чешутся руки

¹⁰ А пропо, от *франц.* á propos – кстати.

не выразить им негодования, – это просто – а разобрать по косточкам всю эту ложь. Эти процессы – новый пример, что «победители» всегда свои победы «марают». <...>

Машинопись. Копия

2

М.А. Алданов – В.А. Маклакову

26 октября 1948

<...> Ваша статья о процессах? Вы всегда проявляли большое мужество – не боялись идти против течения, не боялись и того, что Ваши мысли будут плохо истолкованы. Согласен с Вами в том, что многое в процессах против сотрудников вызывает отвращение: у Вас, вероятно, главным образом юридическая сторона дела, у меня же прежде всего то, что судьями слишком часто бывали люди, в своё время пресмыкавшиеся перед подсудимыми. Как раз на днях я прочёл в «Хералд Трибюн», что главный судья по делу Грациани¹¹ занимал очень высокий пост при Муссолини, – нынешнее итальянское правительство весьма хладнокровно это подтвердило!¹² Эта черта вносит в процессы невыносимое лицемерие. Но по существу – что же сделали бы с б[ывшими] сотрудниками Вы? Так было всегда. Бывало и гораздо хуже. Людовик XVI был прекрасный человек, повинный преимущественно в делах его предков. Его «процесс» был лицемерен до последней степени¹³. Лучше всего это чувствовал Робеспьер, который в своей речи так и сказал: «Людовик не подсудимый, а вы не его судьи»¹⁴. Ну, а когда имеешь дело не с прекрасными людьми, а с людьми, повинными в очень многом? Что с ними делать? По каким законам их судить,

¹¹ Грациани (Graziani) Родольфо (1882–1955), итальянский военный и политический деятель, маршал Италии (1936). В 1936–1937 гг. вице-король Эфиопии, затем начальник штаба сухопутных войск, главнокомандующий итальянскими войсками в Северной Африке. Во время нацистской оккупации Италии (1943–1945) военный министр марионеточной «Итальянской социальной республики (Республики Сало)» Б. Муссолини. В январе 1949 г. предстал перед итальянским судом, приговорён к 19 годам тюремного заключения, но уже в 1951 г. освобождён из заключения. С 1952 г. был почётным президентом неофашистской партии Итальянское социальное движение.

¹² См.: *McCurn B. Graziani Judge Also Served as Mussolini Aid // New York Herald Tribune*. 1948. October 21. P. 16. В корреспонденции говорилось, что, выступая в парламенте, министр юстиции Италии Джузеппе Грацци (Grassi) подтвердил, что судья по делу Грациани Луиджи Марантони (Marantoni) занимал высокий пост в судебной системе правительства Муссолини, созданного при поддержке нацистов в 1943 г. В то же время Грацци заявил, что специальный суд по «дефашизации» не нашел в прежней деятельности Марантони ничего его порочащего. Заявление Грацци вызвало скандал в парламенте.

¹³ Людовик XVI (1754–1793), король Франции в 1774–1792 гг. В ходе революции в 1792 г. король вместе с семьёй был заключён в крепость Тампл и обвинён в намерении призвать во Францию иностранные войска. 16 января 1793 г. подавляющим большинством голосов (683 из 715 голосовавших депутатов) депутаты Конвента признали его виновным в заговоре против свободы нации и общественной безопасности. 17 января 361 депутат проголосовал за предание бывшего короля смертной казни, 334 – за тюремное заключение, изгнание или работы на галерах. 21 января Людовик XVI был публично гильотинирован. Подробнее см.: *Беркова К.Н. Процесс Людовика XVI. М., 1923.*

¹⁴ Имеется в виду речь лидера якобинцев Максимилиана Робеспьера в Конвенте 3 декабря 1792 г., в которой тот предлагал казнить короля без суда: «Людовик – не обвиняемый, вы – не судьи; вы – государственные деятели, представители нации... Вам предстоит не произнести приговор за или против известной личности, а принять меру общественного спасения, сыграть роль национального провидения» (*Беркова К.Н. Указ. соч. С. 106*).

если по ИХ законам они поступали в большинстве случаев вполне правильно? Не без гордости скажу, что Муравьевская комиссия 1917 года¹⁵ в смысле корректности и отношения к допрашиваемым была почти недостижимым образцом в истории. Но что сделали бы Временное правительство и его судьи, если б не случился октябрьский переворот? Им пришлось бы придаться к «мелочам», – к тем случаям, когда Белецкий¹⁶ или Протопопов¹⁷ нарушали законы царского времени. По-моему, гораздо лучше в таких случаях, если настоящих злодеяний совершено не было, щедро пользоваться амнистиями. К несчастью, эти случаи сравнительно редки. Никакое разумное правительство не могло объявить амнистии по всем делам сотрудников во Франции. А если так, то почти неизбежны были и некоторые такие черты процессов, которые вызывают отвращение. Не сомневаюсь, впрочем, что кое-чего (*многого*) *можно* было избежать. И, разумеется, должно было смягчить много приговоров. <...>

Машинопись. Подлинник.

3

В.А. Маклаков – М.А. Алданову

29 Октября [1948]

<...> Мне хотелось бы, если бы это было возможно, пояснее и поглубже высказаться по вопросу о «процессах». Я понимаю трагизм положения; он ведь существует и на войне, где убивают людей, кот[орых] уважают, убивают за то, что *убивающие* делают сами. Но этот трагизм не нужно уснащать лицемерием; и это возможно.

Вы правы, что Муравьевская Комиссия была образцом корректности. Но и она начинала лицемерить, как только хотела позировать, как судьи, применяющие закон. Помню, как Муравьев усматривал «подлог» в том, что Председатель Совета Министров имел в записке бланки *подписанные государем* для роспуска Думы с пропущенной датой. Он и меня хотел привлечь к экспертизе по этому вопросу. И это не единственный случай; я о них говорил в своём предисловии к переводу следственного производства Муравьевской Комиссии¹⁸. И если бы

¹⁵ Имеется в виду Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства под председательством Н.К. Муравьева для расследования противозаконных действий бывших министров, главноуправляющих, высших должностных лиц армии и флота. Работала с марта по октябрь 1917 г. Материалы деятельности комиссии опубликованы в кн.: Падение царского режима. Т. 1–7. Л.; М., 1924–1927.

¹⁶ Белецкий Степан Петрович (1872–1918), в 1909–1912 гг. – вице-директор, в 1912–1914 гг. – директор Департамента полиции; отстранён от должности в связи с обвинениями в денежной и служебной нечистоплотности (присвоение казённых средств, злоупотребление провокацией – в частности, способствовал избранию провокатора, члена партии большевиков Р.В. Малиновского депутатом IV Государственной думы); назначен сенатором (1914). В 1915–1916 гг. – товарищ министра внутренних дел. После Февральской революции арестован и заключён в Петропавловскую крепость; освобождён большевиками, но затем вновь арестован и расстрелян.

¹⁷ Протопопов Александр Дмитриевич (1866–1918), крупный землевладелец и промышленник, октябрист, депутат III и IV Государственных дум, товарищ председателя IV Думы с 1914 г. В сентябре 1916 г. был назначен управляющим МВД, затем утверждён в должности министра. Арестован в ходе Февральской революции, заключён в Петропавловскую крепость. Расстрелян большевиками.

¹⁸ La chute du régime tsariste: interrogatoires des ministres, conseillers, généraux, hauts fonctionnaires de la cour impériale russe par la Commission extraordinaire du gouvernement provisoire de 1917 (comptes rendus stenographiques) / préface de B. Maklakoff, ancien ambassadeur de Russie a Paris; traduction française par J. et L. Polonsky. P., 1927.

результатом этой комиссии был «суд», то это лицемерие немедленно бы обнаружилось.

С процессом Людовика XVI – дело стояло иначе. В нём был *corpus delicti*¹⁹: переписка и уговоры с Австрийским императором во время войны. Но только это. Но так как его судили не за [два слова неразборчиво], а за его антинародную политику, за противодействие Революции, то и получалось то же сплошное лицемерие. Вы цитируете Робеспьера, который совершенно правильно сказал – «Людовик не подсудимый, а вы не судьи. Вам нужно сделать политический акт». А я напому знаменитую фразу Десеза²⁰: «Я ищу среди вас судей, а вижу только обвинителей»²¹. Позор процесса был именно в этом.

Вы спрашиваете, что я считал бы правильным сделать с коллаборантами? Я Вам скажу. Во-первых, чего нельзя делать – это обвинять их в «измене». И Голль²², и Петэн²³ свои противоречивые политики вели одинаково искренно во имя Франции, для её пользы. О тех, кто хотел заведомо вредить Франции, и потому что враги её их подкупили, говорить не стоит; это те изменники и шпионы, кот[орых] во время войны можно расстреливать. Я говорю только о честных патриотах, которые разошлись в понимании того, чего *в данных условиях* требует патриотизм.

И я скажу. Я за обоими противниками и их сторонниками признаю то, что называется «правом воюющей стороны». Их убивают в борьбе, но не позорят и не «наказывают». Немедленно после окончания войны победившая сторона [два слова нрзб.] объявляет полную амнистию своим бывшим противникам как таковым, т.е. за их ошибочную ориентацию. Нельзя говорить об измене, о соглашении с врагом и т.д. Эти мотивы *должны быть* исключены.

Но остаётся ответственность не за ошибочную «ориентацию», а за общие преступления; конечно, на войне *понятие преступления* не совпадает с преступлениями мирного времени, раз уже разрешено «убивать». Но есть вещи, кот[орые] запрещены и на войне или, по крайней мере, должны быть запрещены – как, например, пытки, умышленные истребления невоюющих и т.д. Эти *действия* бы должно карать, как специальные преступления, не подмешивая сюда ненужной «измены». Но судить эти преступления, что победители впервые сделали в Нюрнберге²⁴, должны не победители, а беспристрастные, т.е. нейтральные. Порок процессов против коллаборантов в том, что судили рези-

¹⁹ corpus delicti (лат.) – состав преступления.

²⁰ Десез Раймонд (De Sèze, 1748–1828), граф, известный французский адвокат; был одним из трёх защитников Людовика XVI перед Конвентом.

²¹ Полностью фраза из речи Десеза 26 декабря 1792 г. звучит следующим образом: «Граждане, скажу вам с откровенностью, достойной свободного человека: я ищу среди вас судей, а вижу лишь обвинителей!» (Беркова К.Н. Указ. соч. С. 166).

²² Голль (Gaulle) Шарль де (1890–1970), французский военный, политический и государственный деятель, генерал. В 1940 г. основал в Лондоне движение «Свободная Франция» (с 1942 г. – «Сражающаяся Франция»). С 1941 г. – руководитель Французского национального комитета (с 1943 г. – Французский комитет национального освобождения). В 1944 г. – январе 1946 г. – глава Временного правительства Франции. Основатель и лидер партии «Объединение французского народа». Впоследствии – премьер-министр (с 1958) и президент Франции (1959–1969).

²³ Петен (Pétain) Анри Филипп (1856–1951), маршал Франции (1918). В 1940–1944 гг. глава коллаборационистского правительства в Виши. В 1945 г. приговорён к смертной казни, заменённой пожизненным заключением.

²⁴ Имеется в виду судебный процесс над нацистскими военными преступниками, проходивший в Нюрнберге с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г.

станы²⁵, т.е. *победившая сторона*. Для этих преступлений, связанных с войной, я *кроме того* сделал бы «специальный суд» и установил бы *особо* краткую давность.

Поясню Вам примером *порок судов*.

Одним из самых одиозных имён во время оккупации был Дарнан²⁶, отталкивавший своей жестокостью. Его судили и, конечно, за «измену». На процессе выяснилось, что этот изменник и истязатель был поистине героической фигурой во время обеих войн, не щадившей чужой крови, но и своей жизни. И как истинный военный он свято подчинялся вождю; в той войне им был Петэн, и он опять слепо пошёл за ним, без послаблений и колебаний. Для него изменниками Франции были «маркизары»²⁷, и с ними он воевал не за страх, а за совесть. Его расстреляли как «изменника». Я бы считал, что по титулу «измены» он должен был быть поставлен вне спора; но мог быть осуждён за жестокость, за злоупотребление. Но осуждая его, я признал бы за ним «право на снисхождение» за его преданность родине. Вот самый резкий пример.

Бразильяк²⁸ был расстрелян только за свои статьи: ни корысти, ни садизма в нём не было. Он писал по убеждению. Его обвинитель по суду перед расстрелом его подал ему руку. Есть ли в этом что-либо похожее на справедливый суд и просто на суд?

Мне кажется, я на все Вам ответил *par excellence*²⁹.

Всего хорошего.

Машинопись. Копия.

²⁵ Резистансы – имеются в виду участники движения Сопротивления, от *франц. résistance* – сопротивление.

²⁶ Дарнан (Darnand) Жозеф Айме (1897–1945), французский коллаборационист, по профессии – журналист. Участник Первой мировой войны. В 1920–1930-х гг. входил в праворадикальные организации, в том числе в «Аксён Франсез». В 1939 г. мобилизован в армию, в июне 1940 г. попал в плен, затем был освобождён. Активно поддерживал правительство Виши. Возглавлял различные военизированные коллаборационистские формирования, с января 1943 г. – французскую милицию, подконтрольную правительству Виши. Её численность достигала 30 тыс. чел. Участвовал в организации борьбы с французским Сопротивлением, депортации евреев, арестах коммунистов и других противников режима. Состоял членом французских формирований СС в чине штурмбанфюрера. С декабря 1943 г. шеф французской полиции, с января 1944 г. генеральный секретарь правительства Виши, с июня по август 1944 г. одновременно занимал пост министра внутренних дел. После освобождения Франции бежал в Германию, где был включён в состав марионеточного французского правительства. В мае 1945 г. арестован американцами, однако был освобождён и уехал в Италию. В июне 1945 г. был захвачен британскими спецслужбами и передан французским властям. Французским Высшим судом в Париже 3 октября 1945 г. за сотрудничество с нацистами приговорён к смертной казни и через неделю расстрелян.

²⁷ Макизары – чаще «маки», от *франц. maquis* (букв. – заросли вечнозелёного кустарника), прозвище французских партизан в период Второй мировой войны.

²⁸ Бразильяк (Brasillach) Робер (1909–1945), французский писатель, публицист, литературный критик. В 1932–1939 гг. литературный обозреватель газеты «Аксён франсез», органа одноименной националистической организации, в 1930-е гг. носившей откровенно профашистский характер. Отстаивал фашистские идеи. Во время оккупации активно сотрудничал с германскими властями. Издатель и главный редактор (с 1937) профашистской газеты «Je Suis Partout» («Вездесущий»), в которой выступал с антисемитскими статьями. В октябре 1944 г. арестован французскими властями, 19 января 1945 г. приговорён за сотрудничество с нацистами Высшим судом в Париже к смертной казни и через неделю расстрелян. О суде над Бразильяком см.: Kaplan A. The Collaborator: The Trial and Execution of Robert Brasillach. Chicago, 2000.

²⁹ *par excellence* (*франц.*) – преимущественно.

4 ноября 1948

Дорогой Василий Алексеевич.

С исключительным интересом прочёл Ваше письмо. Кое-какие возражения хотел бы Вам сделать, если это Вам не скучно.

Вы говорите, что ответственность после войны должны были бы понести только лица, совершившие специальные преступления (пытки и т.д.). Тем самым предлагаете амнистии почти всем главарям Виши, с Петэном и Лавалем³⁰ включительно. Они ведь никого не пытали и пыток *не хотели и не предписывали*, да едва ли и совершали другие специальные преступления. Однако *начали* они свою карьеру 1940 года с того же дела, за какое были осуждены (как Вы помните, никак не «левыми» людьми) маршал Базен³¹ и генерал Стессель³², – с той разницей в пользу Стесселя, что крепость Порт-Артур защищали долго и хорошо, тогда как крепость Францию защищали недолго и нехорошо. Капитуляция была навязана Петэном и Лавалем, *они были главные, хоть далеко не единственные виновники*. Она включала в себя, помимо многого прочего, и пункт о выдаче Гитлеру немецких эмигрантов, – по этому пункту и были выданы на смерть Брейтшейд³³, Гильфердинг³⁴ и другие; это *не «специальное преступление»*, но одна из самых позорных страниц во французской истории (Франция, помнится, ни разу не выдавала эмигрантов с 1561 года). Всё то, что можно сказать в защиту Петэна по пункту о капитуляции, можно было бы ска-

³⁰ Лаваль (Laval) Пьер (1883–1945), французский политический и государственный деятель, премьер-министр в 1931–1932 и 1935–1936 гг. В 1942–1944 гг. премьер-министр, одновременно министр иностранных и внутренних дел и информации правительства Виши. Расстрелян за государственную измену.

³¹ Базен (Bazaine) Ашиль Франсуа (1811–1888), французский военачальник, маршал Франции (1864). В начале Франко-прусской войны 1870–1871 гг. командовал корпусом, затем Рейнской армией. После боёв 18 августа у Гравелот и Сент-Прива отвёл армию к крепости Мец, где она была окружена пруссаками. 27 октября 1870 г. Базен сдал крепость с 173-тысячной армией врагу. В 1873 г. французский военный суд приговорил его к смертной казни, заменённой 20-летним тюремным заключением. В 1874 г. Базен бежал из тюрьмы, последние годы жизни провёл в Испании.

³² Стессель Анатолий Михайлович (1848–1915), русский военачальник, генерал-лейтенант (1901). С августа 1903 г. комендант Порт-Артура и с января 1904 г. командир 3-го Сибирского корпуса. После начала Русско-японской войны 1904–1905 гг. с марта 1904 г. начальник Квантунского укрепленного района. В декабре 1904 г., как утверждалось, вопреки решению военного совета, сдал крепость японским войскам. В сентябре 1906 г. уволен в отставку, в 1907 г. под давлением общественного мнения отдан под суд, который в 1908 г. приговорил его как главного виновника капитуляции к смертной казни, заменённой 10-летним заключением. В 1909 г. помилован Николаем II.

³³ Брейтшейд (Breitscheid) Рудольф (1874–1944), один из лидеров германской социал-демократии. В конце 1918 – начале 1919 г. министр внутренних дел Пруссии. Возглавлял в начале 1930-х гг. социал-демократическую фракцию рейхстага. В 1933 г. эмигрировал во Францию. В 1941 г. был выдан правительством Петэна нацистской Германии и в 1944 г. убит в концлагере Бухенвальд.

³⁴ Гильфердинг (Hilferding) Рудольф (1877–1941), один из лидеров германской социал-демократии, теоретик австромарксизма, министр финансов Веймарской республики (1923, 1928–1929). После прихода к власти нацистов перебрался в Цюрих, с 1938 г. жил в Париже. В феврале 1941 г. был арестован полицией Виши и выдан нацистам. По одним сведениям Гильфердинг покончил с собой в тюрьме, по другим – был убит.

зять и в защиту Базена, не говоря уже о Стесселе. Базэн всё это и говорил. Дальнейшие дела Петэна и Лавалля были сделаны на основании законов, которые они же и ввели. Можно ли было оставить все эти дела без всякой кары? Смертный приговор Лаваллю был слишком суров, – я с этим согласен. Теперь, думаю, можно было бы амнистировать и Петэна преимущественно ввиду его старости. Читали ли Вы воспоминания его поклонника М. Мартен-дю Гара³⁵? Даже из них видно, что маршал уже тогда в Виши совершенно выжил из ума (как курьёз, отмечу, что он величайшим политическим и военным гением нашего времени считал Сталина). Но не предавать суду этого человека на том основании, что он «специальных преступлений» не совершал, было бы, по-моему, столь же несправедливо, сколь и невозможно. О квалификации преступлений Базена и Лавалля я не смею спорить с знаменитейшим русским адвокатом. Однако военный суд, под председательством герцога Омальского³⁶, присудил к смертной казни Базена именно за измену, хотя он, конечно, не был изменником в том смысле, в каком им был какой-нибудь лорд Хау-хау³⁷ или Фердонне³⁸. Понятие «измены» растяжимо, да и очень менялось в течение последних двух веков.

Вы говорите, что судить главных немецких национал-социалистов (которые, кстати сказать, тоже строго следовали ими же установленным законам) должны были бы нейтральные. Как же это можно было сделать? Прежде всего, нейтральные государства, наверное, бы на это не согласились: зачем Швейцарии или Швеции было бы «влезать» в это неблагодарное дело и навлекать на себя «одиум»³⁹, а впоследствии, быть может, и месть со стороны немцев? Но допустим, что они согласились бы на то, чтобы их граждане, если не уполномоченные ими люди, стали судьями в Нюрнберге. Разве этот суд был бы на самом деле нейтральным? Ведь обратились бы не к Испании Франко, а к демократическим государствам и к юристам, достаточно известным своими либеральными взглядами. Это были бы люди, лично не пострадавшие от национал-социалистов. Но ведь едва ли хоть один из нюрнбергских судей, американских и других, лично пострадал от немецких зверств.

Относительно Бразильяка я с Вами вполне согласен. Я не читал ни его статей, ни отчёта о его процессе. Однако карать смертью за статьи – это, конечно,

³⁵ См.: *Martin du Gard M. Chronique de Vichy, 1940–1944.* P., 1948.

³⁶ Генрих Омальский (Henri-Eugène-Philippe-Louis d'Orléans, due d'Aumale) (1822–1897), герцог, 4-й сын короля Луи-Филиппа, наследник состояния прекратившегося рода Конде; французский военный и политический деятель, генерал-лейтенант; историк, публицист. После февральской революции 1848 г. в эмиграции в Англии. В 1871 г. избран депутатом Национального собрания и членом Французской академии. Во время процесса Базена председательствовал в суде.

³⁷ Лорд Хау-хау (Haw Haw), т.е. «лорд гав-гав», прозвище ведущего англоязычных передач германского радио в 1940–1945 гг. Уильяма Джойса (Joyce) (1906–1946). Джойс родился в США, однако вскоре его семья (отец – англичанин, мать – ирландка) переехала в Англию. С 1932 г. член Британского союза фашистов, в 1937 г. основал вместе с Дж. Беккетом Национал-социалистическую лигу. В августе 1939 г., опасаясь ареста, бежал в Германию. В 1940 г. принял германское гражданство. Был схвачен британскими войсками, казнён (повешен) по обвинению в измене.

³⁸ Фердонне (Ferdonnet) Поль (1901–1945), французский журналист, во второй половине 1930-х гг. перебрался в Германию, работал на германском «Радио-Штутгарт», анонимно вёл передачи на Францию; в 1939 г. Французская разведка идентифицировала личность ведущего. Фердонне получил кличку «Штутгартский предатель». В 1940 г. заочно приговорён французским военным судом к смертной казни за измену. В июне 1945 г. арестован в Германии французскими властями, 11 июля приговорён в Париже Высшим судом к смертной казни, расстрелян 4 августа 1945 г.

³⁹ одиум (лат. odium) – нареканья.

вещь совершенно недопустимая. Я знал расстрелянного Жоржа Сьюареса⁴⁰. Виши его купило (я его знал в ту пору, когда он был левым и писал книгу о Бриане⁴¹), но за это расстреливать человека было тоже довольно бессовестно, тем более что судили, если не его (не помню, кто его судил), то Петэна, люди, перед Петэном в пору Виши пресмыкавшиеся.

Боюсь, что Вы с Вашей статьёй окажетесь перед альтернативой: ограничиться карой для разных мелких палачей и освободить от ответственности людей, не предписывавших зверств, но зверства терпевших и прикрывавших и, главное, создавших такое положение и такие законы, при которых зверства стали возможны; или же отказаться от надежды на строго выдержанный юридический подход к случившемуся. По-моему, в таких случаях можно требовать только двух вещей: возможно меньшей жестокости в карах (даже в отношении Петэнов и Лавалей) и возможно меньшего лицемерия и цинизма в «судах». Поэтому 1793 год был, думаю, гораздо хуже 1945-го. Людовика XVI, как человека, нельзя и сравнивать не только с Лавалем, но и с Петэном. «Суд» Конвента происходил в обстановке совершенно отвратительной и недостойной (помню ужасающее описание – *не политическое, а чисто бытовое* – очевидца Мерсье⁴², – его одного достаточно, чтобы навсегда убить пиэтет в отношении 1793 года). Это было именно политическое убийство с комедией суда. В чём обвиняли короля, просто нельзя понять: ведь то, что могло дать основания для обвинения, ещё не было известно членам Конвента (*обвинили же его преимущественно в том, что [три слова нрзб.] и т.д., и это пытались облечь в юридические формы*). Если память мне не изменяет, сам Мишле⁴³, помянув Вишняка⁴⁴ с Виктором Гюго, признал, что в «обвинительном акте» не было ничего серьёзного. Судили систему, но судили её в лице хорошего человека, всем желавшего добра и мало дорожившего властью. В 1945 году тоже судили систему, но в лице очень скверных людишек, больше всего дороживших «властью», – их трагикомической властью при немцах. Если же Вы мне скажете, что некоторую ответственность за систему Виши несут и те люди, которые в Национальном Собрании голосовали за отдачу республики выжившему из ума мегаломану, то я с Вами заранее согласен. Очень забавно, как Поль Рейно⁴⁵ и почтеннейший

⁴⁰ Суарес (Suarez) Жорж (1890–1944), французский публицист, редактор коллаборационистской газеты «Aujourd'hui» («Сегодня»). Приговорён 22 октября 1944 г. специальным судом справедливости в Париже к смертной казни за шпионаж в пользу противника. Расстрелян 9 ноября 1944 г.

⁴¹ Бриан (Briand) Аристид (1862–1932), французский государственный деятель, умеренный социалист; с 1909 г. неоднократно возглавлял правительство и являлся министром иностранных дел.

⁴² Мерсье (Mercier) Луи-Себастьян (1740–1814), французский писатель, член Законодательного собрания и Конвента, умеренный якобинец. Был арестован во время якобинской диктатуры за близость к жирондистам, вышел на свободу после термидорианского переворота. Автор многочисленных художественных, исторических и философских сочинений, в том числе 6-томной «Истории Франции в царствование Людовика XVI» (Histoire de France, depuis Clovis jusqu'au règne de Louis XVI. V. 1–6. P., 1802).

⁴³ Мишле (Michelet) Жюль (1798–1874), французский историк и публицист, представитель романтической историографии.

⁴⁴ Вишняк Марк Вениаминович (1883–1975), публицист, мемуарист, общественно-политический деятель. Член партии эсеров, секретарь Учредительного собрания. В 1919–1940 гг. в эмиграции в Париже, с 1920 г. один из редакторов и секретарь редакции журнала «Современные записки».

⁴⁵ Рейно (Reynaud) Поль (1878–1966), французский государственный и политический деятель, один из лидеров правоцентристского Демократического альянса; в 1930-е гг. занимал посты

Эррио⁴⁶ (типичный «гигант Конвента») теперь, по гоголевскому выражению, «пришилились»⁴⁷, точно они-то в 1940 году были символами республиканской добродетели. Само собой разумеется, что и х долю ответственности нельзя и сравнивать с ответственностью Петэна и его лакеев.

Вот то, что хотел Вам сказать в связи с Вашей будущей статьёй. <...>

Машинопись. Подлинник.

5

В.А. Маклаков – М.А. Алданову

8 Ноября [1948]

Дорогой Марк Александрович,

Не могу оставить Вашего последнего письма без нескольких заметок.

Если бы я писал статью, я бы Вам в ней ответил; но я только фигурально сказал, что с удовольствием написал бы статью; язык чешется. Хорошо понимаю, что такой сюжет не для печати, особенно со стороны иностранца. Тем охотнее возвращаюсь к вопросу в переписке с Вами.

Мы не так далеки по существу, но очень далеки по подходу к вопросу. Вы пишете на стр. 2-ой не предавать суду этого человека на том основании, что он специальных преступлений не совершил – было бы столь же несправедливо, сколько невозможно. Одна эта фраза показывает, где наше разногласие. Суд, о котором мы говорим, кот[орый] может «карать» наказаниями и даже смертью, может быть только за «преступления»; неважно «специальный» или «неспециальный», но должно быть «преступление»; т.е. действие, законом предусмотренное и карой обложенное. Может быть, кроме того, «суд» общественного мнения, суд совести, суд истории, но слово «суд» употребляется в них «фигурально».

Настаивая на этом, я заступаюсь не только за суд как таковой, ещё более заступаюсь за «человека» против «государства». Ваша фраза чревата опасностями. Если государство может карать за всякое недостойное и позорное действие – законом не предусмотренное, у человека нет никакой защиты против государства, нет прав против него. Так прежде «господа» трактовали «рабов»; или родители и педагоги «детей». Но родители должны были их кормить, оде-

министра финансов, колоний, юстиции. Выступал за подготовку к войне, предвидя гитлеровскую агрессию; премьер-министр в марте–июне 1940 г. Подал в отставку, не желая уступать давлению сторонников заключения перемирия с Германией в связи с поражением французской армии; был арестован правительством Виши и передан в руки нацистов, которые вывезли его в Германию и заключили в концлагерь. В мае 1945 г. был освобождён союзниками, в 1946 г. избран в палату депутатов, впоследствии неоднократно занимал министерские должности.

⁴⁶ Эррио (Herriot) Эдуар (1872–1957), французский политический и государственный деятель, лидер партии радикалов и радикал-социалистов. С 1916 г. неоднократно входил в состав правительства, в том числе занимал пост премьер-министра. В 1919–1940 гг. член палаты депутатов, в 1925–1926 и 1936–1940 гг. её председатель. В 1942 г. отправил маршалу Петэну письмо с протестом по поводу отмены конституционных свобод, после чего был подвергнут домашнему аресту. В августе 1944 г. отклонил предложение П. Лаваля возглавить «переходное» марионеточное правительство. После этого был передан вишистами нацистам и отправлен в Германию, где был интернирован. Освобождён Красной армией в апреле 1945 г. В 1947 г. – январе 1954 г. председатель (а затем до конца жизни почётный председатель) Национального собрания.

⁴⁷ Алданов имеет в виду оборот, употреблённый Н.В. Гоголем в «Мёртвых душах»: «Собакевич *пришилился* так, как будто и не он».

вать, учить и т.д.; перенесите это на отношения государства, и мы получим тоталитарное государство. У человека против государства нет «неотъемлемых» прав. Ведь пресловутая свобода мысли и совести потому абсолютна, что государство над ними не может иметь простого контроля. Совесть и мысль для него недостижимы. Но всякое проявление этой свободы извне уже подпадает под «ограничения». И единственная защита человека против государства в том, что эти «ограничения» не произвольны, должны быть изложены в общих нормах для всех; что это создаёт для человека права, которые хотя бы в узких пределах государство уже не может нарушать. «Ограждённость» прав и есть одно из главных проявлений «свободы». Бесконечно опасно, если государство будет вправе карать вне этих законов. Оно может осудить, заклеить, объявить известные поступки известных людей недостойными, как они объявляют «заслугу перед отечеством», но и только. Карать вне закона – большее зло, чем безнаказанность. Если государство пользуется авторитетом, то одно его моральное осуждение не безразлично для осуждённого. Но карать, как бы справедлива ни была кара, значит подрывать авторитет государства, его резон детре⁴⁸.

Если я отстаиваю безнаказанность того, что законом не предусмотрено, что только ошибка в оценке того, что для государства полезно, то за то я ввёл бы кары за злоупотребления государственной властью против людей, даже во время войны. До сих пор за это никого не судили и не могли судить, пока судило само государство своих перестаравшихся и увлечённых слуг. Им всё прощалось. Настоящий суд над такими преступниками мыслим только с успехом идеи международного контроля, т.е. с организованным международным коллективом. Тогда отпадут Ваши справедливые возражения против «нейтральных». Я не ясно выразился. О «нейтральных» я говорил только при таком международном суде, когда такой суд будет организован объединёнными государствами. Пока его нет, пока да победители под видом суда расправляются с побеждёнными, хотя бы того и заслуживающими, как в Нюрнберге, это всё-таки не суд и моральный авторитет его ничтожен.

Вы ссылаетесь на Базена и Стесселя. Эти примеры не за Вас. Там были «преступления», то есть деяния, запрещённые законом. Эти деяния были того самого рода, против которых восставал Веган⁴⁹, кот[орый] Рейно подстрекал «положить оружие». Это специальное воинское преступление, кот[орое] запрещает сдаваться, капитулировать с оружием в руках. Я помню, как Толстой хватился за голову и ахал, когда узнал о сдаче Порт-Артура. Сдавать можно, только если продолжение боя невозможно; об этом судит только начальник

⁴⁸ *raison d'être* (франц.) – смысл существования.

⁴⁹ Вейган (Weygand) Максим (1867–1965), французский военный деятель, генерал. Участник Первой мировой войны, с ноября 1917 г. член Высшего военного совета, с марта 1918 г. начальник штаба верховного главнокомандующего. В 1930–1935 гг. начальник Генштаба, вице-президент Высшего военного совета, инспектор армии. С начала 1939 г. главнокомандующий французскими войсками в Сирии и Ливане. С 19 мая 1940 г. начальник штаба национальной обороны и верховный главнокомандующий, один из организаторов капитуляции Франции. В июле–сентябре 1940 г. министр национальной обороны правительства Виши, затем генеральный уполномоченный правительства во Французской Африке; проводил жёсткую политику в отношении противников режима, провёл ряд антисемитских мер. Одновременно вёл двойную игру, пытаясь при посредничестве США заключить всеобщее перемирие, сорвал передачу Германии французских военно-морских баз в Бизерте и Дакаре. В ноябре 1941 г. был отправлен в отставку по требованию Гитлера. В 1942 г. арестован нацистами и до 1945 г. содержался в концлагере Дахау. Во Франции два года содержался в заключении в военном госпитале, был предан суду, но в 1948 г. оправдан.

всего войска. В его план может входить гибель одного стратегического пункта, и сдачу для спасения себя воинская артикуль и честь не позволяют. У Стесселя этот характер сдачи был очевиден. Я помню возвращение в Россию; он вернулся как герой, награждённый Вильгельмом⁵⁰. Только когда узнали, что он сдался только после гибели Кондратенко⁵¹, когда узнали, что он мог ещё месяц держаться, его решили судить.

Не помню, как было построено обвинение Базена. Но помню, что тогда не только не было признано, что продолжение борьбы за Метц было невозможно, но что было основание думать, что в сдаче была политика, верность Императору, непризнание 4 Сентября⁵², отсюда [пропущено слово] Гер[цога] Омальского – но ведь Франция ещё существовала. Но это область мотивов преступления, смягчающих или увеличивающих вину обстоятельств, а не «состав преступления». Преступление же воинское было налицо. Этого не было у Петена. Вы указывали на позорную страницу истории – выдачу эмигрантов – Брейтшейда и др. Вполне согласен; оно позорно, не лучше выдачи Саарских сепаратистов. Но это «позорно», а не преступно: это подлежит заклеимению, а не «суду». И этот институт заклеимения пора бы ввести, как и объявление о заслугах отечеству.

Мне кажется, у меня с Вами разные подходы к вопросу.

Вы не желаете оставлять «позор» и «преступление» безнаказанным, но эта безнаказанность есть общее явление при всякой войне, когда людей убивают, не задаваясь вопросом об их виноватости; Вы хотели бы на некоторое краткое послевоенное время предоставить такую же широкую свободу государству против «воров», говоря языком Московского царства. Я предпочитаю безнаказанность преступника преступлению самого государства как такового. Но зато я приветствовал бы установление того, что должно считаться преступным даже во время войны, против врага, обложил бы это карой и организовал бы заранее трибунал для суда над этими виновниками, но трибунал «нейтральный». Конечно, для этого сначала нужно было бы организовать международную власть, т.е. то, что пока не удаётся. Но я боюсь того, что Вы предлагаете, т.е. увеличение дискреционных прав государства. Ведь всё это ведёт к тому, что создано в советской России. Зло нашего момента в этом: в признании абсолютной власти «государства» над человеком.

Конечно, трудно создать международную организацию и международный суд над преступлениями во время войны. Но если сама международная организация не на словах, а на деле создаётся, то построить суд над преступниками будет много легче, сделав этот суд похожим на суд. Это будет необходимый корректив к допущению и урегулированию войны. Но пока этого нет, и в международной плоскости во время войны допускается всё, по крайней мере, надо эту анархию не переносить внутрь государства, не допускать суда над

⁵⁰ Император Вильгельм II наградил Стесселя и японского генерала Ноги «в знак внимания к их храбрости и героизму во время осады Порт-Артура» высшим прусским орденом «Pour le Mérite» («За заслуги»). Вильгельм назвал Стесселя «героем, которым восхищается весь мир» (Русское слово. 1904. 30 декабря).

⁵¹ Кондратенко Роман Исидорович (1857–1904), генерал-лейтенант (произведён посмертно), военный инженер, герой обороны Порт-Артура. Погиб 2(15) декабря 1904 г.

⁵² 4 сентября 1870 г. палатой депутатов в Париже император Наполеон III был низложен, Франция провозглашена республикой, а власть передана к созданному в тот же день правительству национальной обороны.

«противниками» под флагом суда за измену: здесь, внутри государства, легче отстаивать правовые начала и бороться с их дискредитированием.

И у меня рефлексивный протест против Вашего согласия перенести право войны и «салус попули»⁵³ [пропущено слово] в международных отношениях во время войны – внутри государства в послевоенное время. Судить и карать можно подлинных изменников, шпионов, работавших заведомо против своего государства; можно судить и за превышение власти, за те жестокости, в кот[орых] люди признаться не смеют, как за расстрел заложников или пытки; ведь не уничтожили казнь за мародёрство, их только не применяют, но не надо ослаблять своей позиции, выдавая всё это за «измену» там, где её не было; не было её ни в Петэне, ни в Лавале, ни в Дарнани.

Самый плохой метод – всё свалить в кучу и одного карать за другого.

Машинопись. Копия.

6

М.А. Алданов – В.А. Маклакову

14 ноября 1948

Дорогой Василий Алексеевич.

Вы меня, каюсь, удивили. Как говорил Максим Грек о каком-то своём противнике, «книгу держа, многожды ужасохся люте о странном, и ревностию жегом спиратися». Всё же «спиратися» не буду, чтобы не отнимать у Вас времени, – мы в этом друг друга не переубедим. Я говорил, что строго-выдержанного юридического подхода к преступлениям такого порядка быть не может и что обязательны тут только два правила: возможно меньше жестокости и возможно меньше лицемерия. Что ж делать, революции по руководству юрис-консультов никогда не происходит. Всё же, думаю, что до тоталитарной идеи, которую Вы мне приписываете, отсюда очень далеко, как и до юридического нигилизма. С таким же правом я мог бы Вас уже как практического политика, а не как юриста, упрекнуть в «подстрекательстве к сентябрьским убийствам». Если Вы в самом деле думаете, что и Нюрнбергских подсудимых нужно было подвергнуть «моральному клеймению» (ведь, опять-таки что ж делать, вполне беспристрастного международного трибунала пока нет), то моя шутка частью перестаёт быть шуткой. Достаточно было в 1945 году бессудных убийств и без того. Как ни отвратительны были многие «суды» этого года, они были лучше, чем расправа с Муссолини⁵⁴ и другие подобные ей дела, – суды, как-никак, многих оправдали, а многих приговорили к лёгким карам. Если бы была дана амнистия по всему, совершённому в 1940–1945 годах, за исключением специальных преступлений» (это слово ведь употребили Вы, а не я), то произошла бы резня. В политике Вы (как и я) – крайний враг всякого рода максимализма, но в области права Вы действительно максималист. И логически, и морально

⁵³ Салус попули, от *лат.* Salus populi suprema lex esto. – благо народа – высший закон; ставшая «крылатой» фраза из трактата Цицерона «О законах».

⁵⁴ Муссолини и его любовница Клара Петаччи были расстреляны партизанами 28 апреля 1945 г. Мёртвые тела дуче и его любовницы, как и тела шести других фашистских иерархов, были перевезены в Милан, где подвешены за ноги к перекрытиям бензоколонки на площади Лорето.

было бы трудно объяснить, почему казнили Тропмана⁵⁵ или Ландрю⁵⁶, если б Геринг⁵⁷, например, подвергся только моральному клеймению. Между тем строго юридически Вы совершенно правы: не было законов, по которым его можно было бы судить. Старые немецкие законы 1932 года были отменены в 1933 году. Как же быть? По нашим законам 1916 года весь ЦК Вашей партии должен был бы быть повешен или сослан на каторжные работы за февральскую революцию. <...>

Машинопись. Подлинник.

7

В.А. Маклаков – М.А. Алданову

Париж, 17 Ноября [1948]

Дорогой Марк Александрович,

Не могу всё-таки Вам не ответить. Мне кажется, мы смешиваем разные вопросы.

Во-первых, – по поводу «морального клеймения». Я относил это только к тому, что нельзя назвать преступлением, где простое и честное политическое или тактическое разномыслие. Для иллюстрации этого сошлюсь на Петэна. Очень рекомендую Вам прочесть книжку *Girard – Montoire, Verdun diplomatique*⁵⁸. Она не очень удачна со стороны литературной, но полна поучительного и неожиданного материала. Из неё Вы увидите, что вся политика Петэна была установлена «джентльменским» соглашением его с Черчиллем и Рузвельтом, состоявшимся одновременно с Монтуаром⁵⁹; она была выгодна не только Франции, но Англии и Америке, кот[орые] не могли помочь Франции наступлением раньше 42 г., *им* приходилось *пока* обманывать Гитлера; для этого *приходилось* не только терпеть многое, но даже устраивать «символические» сражения, когда англичане якобы хотели занимать французские порты, а Франция их защищала против них. Это успокаивало немцев, которые за это и для этого давали *французам* вооружать свои войска. Но ведь при этих символических сражениях приходилось убивать людей; это ужасно, но приходится *делать* при всяких военных «демонстрациях», где посылают на убой для обмана противника. Когда всё кончилось благополучно, Франция имела право решить: нужно ли было поклониться Петэну за искусство или осудить его за маловерие, за урон её чести, за то, что он поступил, как Гораций-сын, а не отец

⁵⁵ Тропман Жан Батист, механик по профессии, убил с целью ограбления семью Кинков из семерых человек, в том числе пятерых детей. Гильотинирован в Париже 19 января 1870 г.

⁵⁶ Ландрю (Landru) Анри Дезире, французский серийный убийца, брачный аферист, убивавший соблазненных им женщин (исключительно вдов, рассчитывавших повторно выйти замуж) и овладевавший их имуществом. Приговорён к смертной казни по обвинению в 11 убийствах, хотя полиция считала, что он совершил их гораздо больше. Гильотинирован в Париже 25 февраля 1922 г.

⁵⁷ Геринг (Göring) Герман (1893–1946), один из лидеров нацистской Германии. Приговорён Нюрнбергским трибуналом к повешению. Покончил с собой накануне казни.

⁵⁸ См. *Girard L.-D. Montoire, Verdun diplomatique. Le secret du maréchal. P., 1948.* Жирар (Girard) Луи-Доминик (1911–1990), французский политический деятель, сотрудник Петена, в 1944 г. руководитель его канцелярии.

⁵⁹ 24 октября 1940 г. во французском городке Монтуар в здании железнодорожного вокзала состоялась встреча между Гитлером и Петеном. Это событие вошло в историю под названием «встреча в Монтуаре» и стало символом политики коллаборационизма.

с его требованием: умри⁶⁰. Но этот вопрос решается не судом и не наказанием. Чтобы сохранить за страной возможность высказываться по этому поводу – и нужно было *бы* учредить институт «порицаний», т.е. нечто вроде остракизма задним числом. Если верить версии Жирара, то про Петэна можно сказать словами Пушкина:

Народ, таинственно спасаемый тобой,
Ругался над твоей священной сединой⁶¹.

Совсем другой вопрос – суд над преступными действиями⁶², над зверствами и т.п., т.е. над тем, что судили в Нюрнберге. Я это приветствую; я не совсем точно называю это специальными преступлениями; *это потому, что* убийства на войне вообще не считаются «преступлением». Но если убийство в сражениях не преступление, то истязания, пытки и массовые истребления не воюющих, т.е. всё, что делалось Гитлером, – остаётся преступным. Те, кто это делали сами, – исполнители, палачи – ещё могут защищать себя тем, что они повиновались начальникам, но начальники, кот[орые] это приказывали, и этого оправдания не имеют. Для них не нужно *было* даже сочинять специальных законов; их нужно судить как простых убийц, как в Англии не было специальных кар за дуэли, и карали, как за простое убийство. Преступление и ошибка Нюрнберга были не в том, что осудили за *такие* общие преступления, а в том, что *кроме* того судили за «подготовку войны», за агрессию, что вовсе не является общим преступлением. Для него нужны *специальные* [одно слово от руки нрзб.] законы, кот[орых] *тогда* ещё не было. Ну а затем надо, чтобы были судьи, т.е. чтобы судили посторонние и беспристрастные люди, а не обиженные теми, кого они судят. Ведь вся Германия была оккупирована; оккупационные власти могли создать суд для суда общих преступлений и судить гитлеровцев, применяя к ним общие нормы.

Теперь третье.

Вы ставите *правильно* почти провокационный вопрос.

Вы меня спрашиваете, что лучше: плохой суд, но всё-таки суд, или бессудная расправа? Процесс Петэна или убийство Муссолини? Постановка вопроса правильная; но я, не задумываясь, отвечаю: предпочитаю во много раз убийство Муссолини казни Лаваля. Самосуд всегда, даже по уголовной теории, есть реакция против безнаказанности. В самосуде участвуют всегда обиженные, раздражённые, негодующие люди; и их *самих* очень часто даже обыкновенно по этим мотивам оправдывают, оправдывают даже если то, за что они мстили, смертной казни не подлежало. Вот такая расправа после возмутительных преступлений, как Гитлеровские, естественна и караются [они] самосудом; как говорил Кутузов в «Войне и мире», «я это и не приказываю, и не позволяю, но взыскивать не могу»⁶³. И самосуд часто не возмущает моральных чувств. Но если его облекут в видимость суда и посадят в судьи тех, кто *объявляет* сво-

⁶⁰ Маклаков ссылается на трагедию П. Корнеля «Гораций» (1641). Видимо, имеется в виду эпизод, когда старый Гораций, получив известие, что двое его сыновей пали в схватке с врагами, а третий бежал, клянётся убить его собственной рукой. На самом деле, как вскоре выясняется, бегство Горация-сына было тактическим маневром, и он расправился с преследовавшими его врагами поодиночке.

⁶¹ Маклаков цитирует стихотворение А.С. Пушкина «Полководец» (1835), посвящённое М.Б. Барклаю де Толли.

⁶² Зачёркнуто: «поступками».

⁶³ Высказывание Кутузова в «Войне и мире» относится к мародёрству русских войск.

им призыванием мести (в процессе Бенуа-Мешен⁶⁴ один присяжный заявил – «мы должны отомстить за своих покойников»), то это моральное чувство обижает, а государство дискредитирует. Какой смысл государства, какое право у него карать человека, если оно само будет поступать как «погромщик» и «мститель»?

Надо разграничить вопросы. «Порицание» для преступников типа Петэна, т.е. коллаборантов по убеждению, малодушью, а не сознательных изменников. Преступники и вдохновители *зверств*⁶⁵ должны караться как за общие преступления, поскольку они их сами делали или приказывали делать. А для преступлений против человечности, против «нарушителей мира», агрессистов и т.п. – надо сначала формулировать эти специальные преступления, обложить их карами и⁶⁶ создать специальный *международный* трибунал.

Ведь плохо, если мы дискредитируем институт «государства» и откроем дверь беспардонному состязанию физических сил, что сейчас происходит в Советской России, и было раньше у Гитлера; но чтобы *больше всего* дискредитировать государство, надо сначала дискредитировать суд; ибо суд есть самая достойная и необходимая часть государства. Если Гитлер дискредитировал государство, то те, кто сейчас преследуют коллаборантов так, как судили Петэна, Лавала и др., – дискредитируют суд. Ну а затем, государство не всесильно и иногда не может помешать обиженному самому мстить за себя; *но* против обиженного человек не беззащитен: может спрятаться, убежать, обороняться. Против государства защититься трудно; и когда оно возьмётся мстить за умерших, возмещать на живых людях мерзости Гитлера потому, что считает себя обязанным отомстить, это уже извращение отношений государства и человека. А ведь это и происходит сейчас *на процессах*.

Не знаю, достаточно ли ясно я выражаюсь. Но не думаю, чтобы такая постановка вопроса могла «ужасать» – как Максима Грека. <...>

Ваш Макл[аков]

Машинопись. Подлинник⁶⁷.

8

М.А. Алданов – В.А. Маклакову

28 ноября 1948

Дорогой Василий Алексеевич.

Пишу кратко, так как надеюсь скоро Вас увидеть. Я очень рад тому, что наши точки зрения сблизились. По предпоследнему Вашему письму можно было заключить, что Вы не находите возможным судить и главарей наци, да строго юридически это и было верно. Очень сомневаюсь, что даже действия Геринга нарушали немецкие законы Гитлеровского времени, а по каким же

⁶⁴ Бенуа-Мешен (Benoist-Méchin) (1901–1983), французский историк и писатель, министр без портфеля в правительстве Виши. Арестован французскими властями в сентябре 1944 г., 6 июня 1947 г. приговорён к смертной казни, замененной 4 августа вечной каторгой. Амнистирован 2 августа 1953 г., условно-досрочно освобождён 4 января 1954 г.

⁶⁵ Вписано над строкой вместо «расправ».

⁶⁶ Далее зачёркнуто «уже после».

⁶⁷ Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture (далее – BAR), Mark Aldanov Collection (далее – Aldanov), Box 5, Folder 8 (далее первая цифра означает номер коробки, вторая – папки).

другим законам можно было бы судить немца при отсутствии законов международных? Кроме того, как Вы правильно указали, и Нюрнбергский суд не был и не мог быть «нейтрален». Отсюда при строго выдержанном юридическом подходе неизбежно вытекало только моральное клеймение, а это было бы именно Цицероновское «Суммум юс – сумма инъюриа»⁶⁸. Что до Петэна, то сообщение о его «джентльменском соглашении» с Англией было категорически опровергнуто (я это читал года три тому назад, тотчас после окончания войны). Если б англо-французские сражения были в самом деле «символическими», то вся защита деятелей Виши была бы на этом построена. Когда эмиссары Петэновского правительства приехали с этим сообщением в Америку, то «Таймс» язвительно сообщил, что, насколько ему известно, единственное соглашение Петэна с Черчиллем заключалось в следующем: у Петэна в Англии были какие-то деньги, его собственные и небольшие. Он довёл до сведения британского правительства (уже после разрыва и Мерс-эл-Кебира⁶⁹), что хотел бы эти деньги получить. И его желание было немедленно исполнено (воображаю, что о нём Черчилль тогда думал). Нет, седина маршала никак не «священная». Бог с ним. По его глубокой старости его следовало бы выпустить из тюрьмы, а героем он в историю не перейдёт.

Простите, что утомил Вас этой затянувшейся полемикой. Практически, как Вы правильно сказали, мы не так уже расходимся.

Шлю Вам самый сердечный привет.

Ваш М. Алданов

Машинопись. Подлинник.

9

В.А. Маклаков – М.А. Алданову

Париж, 29 Ноября [1948]

Дорогой Марк Александрович,

Пишу вам, так как у меня на совести вина перед вами. Я в моём последнем письме ссылался на книжку Жирарда – и говорил о том, что в ней установлено. Установлено это было на основании книжки, изданной в Швейцарии – действующим лицом, доверенным Петэна перед английскими властями – Ружье⁷⁰.

⁶⁸ Summum jus – summa injuria (лат.) – последовательнейшая законность – величайшая несправедливость.

⁶⁹ Французская эскадра, находившаяся на военно-морской базе Мерс-эль-Кебир подверглась атаке британского флота 3 июля 1940 г. Британцы стремились предотвратить передачу французских кораблей Германии. В результате атаки большинство находившихся там французских судов, получили серьёзные повреждения или были затоплены. Погибли 1 297 и были ранены около 350 французских моряков. После этого правительство Виши разорвало дипломатические отношения с Великобританией.

⁷⁰ Ружье (Rougier) Луи Поль Огюст (1889–1982), французский философ, профессор Университета Безансона и ряда других. В октябре 1940 г. по поручению Петэна вёл переговоры в Лондоне с целью добиться смягчения блокады Франции Великобританией, в том числе встречался с У. Черчиллем 25 октября 1940 г. Маклаков имеет в виду книгу: *Rougier L. Mission secrète à Londres; les accords Pétain-Churchill*. Genève, 1946. Первоначально эта книга под названием «Accords Pétain, Churchill, histoire d'une mission secrète» вышла в Монреале в 1945 г. В 1941 г. Ружье уехал в Северную Америку, где преподавал в Высшей школе социальных исследований в Нью-Йорке, а затем в Университете Монреала в Канаде. По возвращении во Францию Ружье выступал в защиту Петэна, что привело к его увольнению из Университета Безансона в 1948 г.

Все эти разоблачения меня так взволновали, что я списывался с Элькиным, и он прислал мне оттуда официальную книгу – *Despatch to his Majesty's ambassador regarding relations between his Majesty's Government in the United Kingdom and the Vichy Government in the Autumn of 1940*⁷¹ (31 страница).

Многое в ней изображается иначе, по крайней мере, в другом освещении. Но она интересна в двояком отношении. Не буду говорить о том, какие новые факты могли бы повлиять на наше суждение о Петэне и Дарлане⁷² (Лавалю я оставляю в стороне). Нашего старого спора, в каком преступлении можно обвинять людей после таких передраг, и как судить, я не возобновляю: мы очевидно оба остались на прежних позициях.

Но зато спор о фактах, о фактической стороне в таких запутанных и окутанных умышленной тайной делах – после выслушания обеих сторон становится не только интересен, но и неразрешим. Ружье и Жирард – утверждают, что между Петэном и Черчиллем состоялось в окт[ябре] 1940 г. тайное «*gentlemen's agreement*»⁷³, которое и исполнялось обеими сторонами, чтобы протянуть время до тех пор, пока англичане с американцами смогут достаточными силами высадиться в Африке, а потом и в Европе. Это по заявлению англичан могло быть не раньше как через 2 года; надо было пока не давать Гитлеру повода нарушать армистиса⁷⁴. Главные условия, кот[орые] англичане ставили французам (уже после армистиса) – это, чтобы они не отдали *немцам* флота, не заключали с ними союза, и не стали бы им помогать (вне рамок армистиса). Это всё было исполнено, несмотря на настояния Деа⁷⁵, Бринона⁷⁶, а может быть, и Лавалю.

⁷¹ Despatch to His Majesty's ambassador in Paris regarding relations between His Majesty's government in the United Kingdom and the Vichy government in the autumn of 1940, London, 13th July, 1945. L., 1945.

⁷² Дарлан (Darlan) Жан Луи Ксавье Франсуа (1881–1942), французский военный и государственный деятель, адмирал флота (1939). С декабря 1936 г. начальник Морского Генштаба. В период Второй мировой войны с августа 1939 г. главнокомандующий ВМФ. После поражения Франции с июня 1940 г. морской министр в правительстве Петена. С февраля 1941 г. вице-президент Совета министров правительства Виши, министр обороны, иностранных и внутренних дел. С апреля 1942 г. главнокомандующий вооружёнными силами правительства Виши. После высадки англо-американских войск в Северной Африке в ноябре 1942 г. отдал приказ французским войскам о прекращении сопротивления союзникам, а затем о вступлении французских вооружённых сил в борьбу против держав оси. 14 ноября 1942 г. объявил себя верховным комиссаром Франции в Северной Африке и образовал Государственный совет. 24 декабря 1942 г. убит французским националистом.

⁷³ gentlemen's agreement (англ.) – джентльменское соглашение.

⁷⁴ Армистис, от *франц.* armistice – перемирие.

⁷⁵ Деа (Déat) Марсель (1894–1955), французский политический и государственный деятель. Участник Первой мировой войны. Член Социалистической партии Франции, член палаты депутатов с 1926 г. В 1932 г. вышел из партии, в 1933 г. был среди основателей альтернативной социалистической партии. Восхищался национал-социализмом, открыто выступал против вступления в войну с Германией из-за Польши. Активный сторонник сближения Франции и гитлеровской Германии. Остался в оккупированной зоне, организатор и лидер профашистской организации Народное национальное объединение. Министр труда в правительстве Виши в 1944 г. В июне 1945 г. заочно приговорен к смертной казни. Как выяснилось впоследствии, скрывался в Италии, где и умер.

⁷⁶ Бринон (Brinon) Фернан де (1885–1947), французский журналист и политический деятель. Поклонник нацистской Германии, в 1935 г. основал Франко-германский комитет, сотрудничал с германской разведкой. По его утверждению, в 1933–1937 гг. пять раз встречался с А. Гитлером. После поражения Франции призывал к сотрудничеству с оккупантами, с июля 1940 г. представитель правительства Виши в Париже. В 1942 г. назначен Петеном статс-секретарём, стал одним из высших лиц в правительстве Виши. Принимал активное участие в создании французских добровольческих формирований, в феврале 1943 г. назначен председателем и генеральным секретарем

Англичане же обещали не захватывать территории, находящиеся под Виши, до тех пор, пока они не будут в силах выдержать там столкновения с немцами.

Но я уклонился в подробности. Черчилль в официальной книге – не отрицая ни переговоров, ни смысла их, утверждает, что не было «*gentlemen's agreement*», а были только переговоры для установления «*modus vivendi*»⁷⁷, что гарантия исполнения этого *modus* была в том, что при его нарушении Францией можно было все обещанные выгоды (восстановление Франции и смягчение блокады) взять назад.

Но вот что моделируется: этот договор, или переговоры должны были оставаться тайной для Голля, кот[орый] о них не знал, и потому продолжал считать Петэна «просто изменником», а себя как бы законным правительством Франции. Этой тайны требовала Англия, но, конечно, она была необходима для Франции ещё больше.

А в результате вещь, кот[орая] меня смущала больше всего. Петэна судили в июле 45 г. Книжка (английская) была издана 13 июля 45 г. Объяснения Черчилля в Парламенте по этому вопросу 12 июня 45 г. Словом, Черчилль, если бы он всё сказал, не намекая, а договаривая всё до конца, мог снять с Петэна обвинение в «измене». Он этого не сделал. Подумайте, что причина этого невеликодушия со стороны такого человека была «политика». Голль был тогда главой Франции, он свою политику относительно Петэна определил, и оглашение Черчиллем тайных переговоров было бы воспринято как вмешательство во внутренние дела Франции, и даже в «отправление правосудия».

Всё это нормально. Но как при таких условиях можно судить поступки, в кот[орых] заключаются не «преступные» сами по себе действия, а только вредная «политика»? Не судьи могут высказывать своё мнение о «политике», это вопрос не их компетенции. А «представительство» может судить политику, но не может карать. Не посетуйте, что возвращаюсь к вопросу, кот[орый] Вам, наверное, надоел. Но этот объяснит Вам, почему убийство Дарлана за то же самое менее меня возмущает, чем «приговор» над Петэном. *Убить самосудом можно только в состоянии озлобления, которое его и оправдывает; а в состоянии «озлобления» судить недопустимо. Все речи [прокурора] были бы уместны в палате, кот[орая] приговорила бы к [трудовой] повинности; но в суде, при требовании смертной казни – они возмущают своей фальшью.*

Впрочем, я сейчас так начитался этих процессов, что сам не имею права «судить». Но я и не сужу, а только осуждаю.

Вам преданный В. Маклаков <...>

*Машинопись. Подлинник*⁷⁸.

Легиона французских добровольцев против большевизма. С сентября 1944 г. глава французского марионеточного правительства в Зигмарингене (Германия). В апреле 1945 г. захвачен американцами. 6 марта 1947 приговорён французским судом в Париже к смертной казни, 15 апреля 1947 г. расстрелян.

⁷⁷ *modus vivendi* (лат.), букв, способ существования. Здесь: фактическое состояние отношений, признаваемое обеими сторонами.

⁷⁸ BAR, Aldanov, 5–2.